

С утра Петрович был напряжён и молчалив. Он сам не мог понять, что с ним. Тревога и ожидание каких-то перемен. Хотя какие могут быть перемены – только если смерть?

Его всегда называли – Петрович. Кроме командования и начальства. А как еще назвать человека, у которого в паспорте было записано – Петров Пётр Петрович. Среднего роста, жизнерадостный, со смоляной шевелюрой и голубыми глазами, наивно открытыми в окружающий мир. Да, таким он был когда-то, в другой жизни... Сейчас о той жизни напоминали лишь три фотографии в рамках, стоящие на столике. На одной фотографии была запечатлена семейная пара с ребёнком лет пяти на руках. Все трое очень похожи друг на друга, как это бывает с очень любящими друг друга людьми. Со второй фотографии озорно смотрела большеглазая красавица с толстенной косой, заведённой от затылка вперёд, через плечо. А на третьей на переднем плане улыбался во всю ширь своей жизнерадостной улыбки сам Петрович и несколько мужчин в солдатской форме, с серьёзными и сосредоточенными лицами, словно хотели поймать обещанную фотографом птичку.

Где оно всё? Где шевелюра, где жизнерадостность? Где прежний интерес к жизни?.. Как он сдал за последний год... Он уже со всем смирился. Смирился с ежедневными уколами, процедурами, с холодеющим непослушным телом.

Когда его привезли в дом престарелых, у него ещё были силы улыбаться и называть это унылое страшное здание «Домом доживания». Улыбался, ведомый под руку нянечками, горько, очень и очень горько осознавая, что это его последнее пристанище, то место, из которого ему не выбраться. Та точка... просто точка. Всё! Пространства больше нет. Есть только время, безжалостное в своём бесконечном однообразии. Он улыбался до тех пор, пока его не оставили одного в двухместной комнате, где ему определили койкоместо. Благо, соседа не было. Дверь закрылась, и он расплакался.

Друзей на новом месте он не заводил. Просто не успевал. Едва появится кто-то близкий по духу, глядишь – помер. И так много раз. Все уходили, а он всё жил и жил. А тело болело и переставало слушаться. Вот когда воспринимаешь жизнь не в радость, а в наказание.

И всё же была одна радость у Петровича. Взяла своё заложенная в человека жизненная сила.

На второй год депрессивного состояния, когда уже хотелось от безысходности наложить на себя руки, появилась в «Доме доживания» молоденькая девушка – медсестра Ольга Николаевна. Небольшого росточка, круглолицая, с большущими карими глазами и длинной русой косой. Не красавица, но мимо такой не пройдёшь. От неё исходило какое-то сияние, и с её появлением само здание этого унылого заведения стало светлее. А у его обитателей появился смысл существования. Даже самые отчаянные ворчуны перестали жаловаться на жизнь и вспоминали о прошлом лишь хорошее. А она порхала над старичками как бабочка, успевая уделить каждому внимание, выслушать, найти доброе слово и наградить радостной улыбкой. Общаться

с ней было легко и интересно. Она входила в комнату, и воздух становился другим, словно открывались окна в пахнущую цветами весну. Забывалось, что стоишь на краю жизни, хотелось жить дальше.

Старушки называли её Оленька, а меж собой – «наш ангел». Старики называли её не иначе, как Ольга Николаевна, оказывая тем самым глубокое почтение. И не было теперь у старичков на последнем отрезке жизни никого роднее, чем эта светлая душа. Что нужно старикам? Внимание. Ведь минута доброго общения продлевает жизнь на час, день, а то и вовсе возвращает с того света.

И всё же люди уходили. Старость и время пожирала людей одного за другим. А Петрович всё жил и жил. Он стал в этом Доме старожилом. Вот уже пять лет он знал Ольгу Николаевну. Знал её дольше всех. Петрович не находил в ней ничего ангельского или сверхъестественного. В первую же встречу его охватило волнение от того, что он увидел, почувствовал знакомого, родного человека. У Петровича что-то щёлкнуло в голове, радостно забило в груди, вечно мёрзнувшие конечности стали оттаивать. Механизм давно погасших, забытых, потерянных чувств ожил. Она напомнила ему его жену. Какая-то неуловимая похожесть связывала двух женщин. Неуёмная энергия, доброжелательность, участие, голос, коса с руку толщиной... и глаза! Большие, карие, тёплые...

Жену звали Катя. Катюша, Катенька. Познакомился с ней в медсанбате. Глупость приключилась – натёр через гимнастёрку автоматом мозоль на спине. Батальон на марше. Пыль, жара. Загноилась ранка. Отпросился у ротного в санчасть, ранку обработать. А там глазищи карие, коса по пояс. Ладненькая такая. А как заговорила – у Петровича голова закружилась – голос-то какой! И уж почти сознание потерял, когда рану стала обрабатывать. От её прикосновений. Петрович и не знал, что болтун такой. Язык сам развязался. Он говорил и говорил. Да складно так! И не врал. Всё как было рассказывал, и кто он, и откуда, и про отца с мамой. Чувствовал, что нашёл свою половинку. Были, конечно, до этого девушки. Двадцать семь лет всё-таки. Но тут особый случай. «Вот она, моя!» – подумал Петрович. И она на него смотрела как-то по-особенному, с интересом. Раза три приходил ранку обрабатывать. За три встречи Петровичу показалось, что не было родней человека на всей земле. А она при его появлении словно светиться изнутри начинала... как Ольга Николаевна...

А потом был бой. Не стало батальона. Никого из ребят, что на фотографии. Только он, Петрович. И то благодаря Катеньке. Как она его ночью в поле нашла? Вынесла на себе. Потом две ночи, вместо отдыха, сидела рядом, слушала, как он в бреду в атаку ходил.

Потом был госпиталь и снова фронт.

И надо ж так случиться: встретились в Словакии. Земля из-под ног ушла. Радость была, какую ни до, ни после не испытывал! До конца войны немного осталось, но фашист ещё сильный, дерётся остервенело. А у Петровича в душе соловьи поют. И точно знал, что не умрёт – есть для кого жить.

А потом Победа! Радость со слезами на глазах. Хотел Катюшу со своими родителями познакомить, а нет родителей. Война забрала. Поехали к Катеньке на родину – такая же беда. Нет никого. Только они.

Погоревали, поплакали. Так ведь повсюду горе. Страна в развалинах, людей так много покалеченных, одиноких. А они вдвоём. Живые! Любящие две половинки. С такой силищей горы свернуть можно!

И началась другая жизнь. Не только для себя – для всей страны!

Сейчас, в век недоразвитого капитализма, эти слова странно звучат. Но тогда люди были другие. И слова о всеобщем счастье звучали не пустым звуком. Пройдя через страшную мясорубку, люди хотели жить, жить счастливо. Ведь светлая счастливая жизнь не за горами, надо только прибраться в стране, залечить её раны. Нужно менять мир вокруг. А, как известно, если есть желание поменять что-то к лучшему, оно меняется.

Закрутила жизнь Петровича и Катю по стройкам большим и малым. Какая жизнь! Бурлящий поток! Новые места, люди, новые друзья. Сколько их разбросано по огромным просторам Родины! Страна поднималась из руин, в этом была и их заслуга.

Работа, учёба заочно. Петрович поступил в строительный, Катерина в медицинский.

Петровичу предлагали даже главным инженером в каком-то строительном Главке. Но по натуре человек романтичный и лишённый чувства здорового карьеризма, он видел себя первопроходцем. Там он был на своём месте, среди людей, начинающих дела с самого начала, с первого колышка. Потому как Начало уравнивает всех. Люди, стоящие у истоков новых дел, – особенные люди, видящие дальше других, живущие завтрашним днём. Романтики с большой буквы! Неудобства? А что неудобства? Это ж временно. Построим – будет лучше. И строили. Много городов построил Петрович. А рядом всегда она – Катенька, Катюша. Любящий и верный человек. И тоже, как Петрович, на острие. От палаточной санчасти до больниц. Грамотного, опытного специалиста ждали и ценили везде. Сколько жизней было спасено от южных границ до Заполярья. Сколько бессонных ночей и тревожных дежурств.

За делами, стройками, переездами время летит быстро. Однажды Петрович вдруг понял, что Будущее пришло. Все вокруг зажили лучше, сытнее, удобнее. Но люди стали другими. Не хуже или лучше, а другими. Они перестали рваться в бой и смотреть вперёд, в новое Будущее. Романтиками осталась лишь молодёжь, да и то не вся.

В квартирах, некогда построенных Петровичем, люди стали жить сами по себе.

«Но мы! Мы остались прежними!» – спорил Петрович на редких уже встречах с друзьями. «Да. Мы прежние», – успокаивала его Катерина, с тоской глядя, как вокруг застолья шумно бегали дети.

Однажды Петрович поймал этот взгляд. И всё понял.

Отчаяние и тоска сковали грудь и сердце. Будто он снова потерял свой батальон, и вина в этом только его. Видавший виды солдат, солдат по жизни, опора всей Катенькиной жизни, не дал ей самого главного. Да и что он, Петрович, оставит после себя кроме городов и заводов? Кто порадует их в старости?

Стыдно, стыдно перед Катенькой! Ему бы поговорить с женой, а он... Молчать больно, а сказать об этом не смог...

Струсил Петрович. Ушёл в работу. Задерживался, приходил поздно. Но возвращался и вновь видел тоскливые карие глаза. Ел себя изнутри. Всё вокруг стало серым, чужим.

Ему бы поговорить, а он сорвался. Запил. Жутко запил.

Он не был буйным. Просто доходил до порога на автомате и падал. А утром,

превозмогая тошноту и головную боль, молча уходил на работу. Знал, что это неправильно, и пить не любил, но чем заглушить тоску и вину?

Но однажды утром, когда он в похмельном угаре пытался выйти из дома, дорогу ему преградила Катя. Она смотрела ему в глаза спокойно и твёрдо. Так смотрела, что Петрович не мог оторвать от её глаз свой взгляд. С минуту они стояли друг против друга, и эта минута показалась Петровичу вечностью.

«Катя, Катенька, Катюша, у меня ведь кроме тебя никого нет. Какая же я скотина! Не смог тебе ребёнка сделать. Даже мысли о детях не было. А теперь – пьяница стал...» – так думал Петрович, утопая в её карих глазах, а у самого в груди защемило, сдавило в горле и вся боль выкатилась на ресницы слезой.

И, словно читая его мысли, Катя тихо сказала:

– У меня кроме тебя никого нет. Я умру без тебя.

Вот тут-то Петровича прорвало. Он рыдал взахлёб, как малое дитя, обхватив её колени. Бубнил что-то про мужскую несостоятельность, проклинал себя, что не смог построить полноценную семейную жизнь. Она гладила его по седеющей голове и тихо плакала. Потом прошептала:

– Пойдём пить чай...

Пока Петрович умывался и приходил в себя, Катя накрыла на стол и разлила по чашкам чай. Петрович, войдя на кухню, замер, глядя на неё, словно увидел впервые. Она сидела на табуретке, подобрав под себя ноги, маленькая, строгая, с усталым лицом и большими карими глазами, припухшими от слёз.

– Присядь, Петя. Я кое-что тебе расскажу, – спокойно сказала она.

Он послушно сел, не отрывая от неё взгляд. Такой серьёзной он её ещё не видел.

– Не твоя в этом вина. Давно надо было тебе рассказать, да всё как-то не решалась... боялась... а теперь...

Она помолчала, встала, подошла к окну.

– На фронте зимой сорок четвёртого я сильно застудилась, Петя. В воронке с раненым до ночи пролежала. Обстрел был сильный, носа не высунешь. И солдатика не спасла, замёрз, и сама еле жива осталась. Так что не вини себя. Ты про детей не думал, а я молчала. Боялась, что ты меня такую дефективную бросишь. Прости.

Он смотрел на её маленькую фигурку у окна и думал о том, что он сволочь и эгоист. Всё о себе: «Я не смог облагодетельствовать!», а ей-то какво всю жизнь ощущать себя неполноценной? И тут же Петрович испугался. Было что-то прощальное в её голосе, в откровении. «Всё, нет теперь никаких тайн, страхов. Нужна тебе такая: стареющая и никчемная? Уйдёшь – пойму, не обижусь. Ты ещё мужик хоть куда!» Что-то подобное показалось Петровичу в её молчании. Он похолодел от страха и ничего не мог придумать лучше, кроме: «Катюша, не бросай меня. Я пить больше не буду. Никогда».

Она обернулась, посмотрела на него удивлённо и, вытирая слёзы, усмехнулась:

– Дурак ты, Петрович.

Он подскочил к ней, обнял, почувствовал, как бьётся её сердце, как она прижалась к нему, словно пыталась спрятаться от всего мира.

В этот миг мир за окном снова стал разноцветным.

По статистике женщины живут дольше мужчин. Но Катюша не вошла в эту статистику.

В конце горбачёвской перестройки её не стало. Сгорела как свеча. Как врач она

знала, что ей никто ничем не поможет. Потому до конца была спокойной и пыталась бодриться, чтобы не расстраивать Петровича. Но...

Что творилось с Петровичем тогда, лучше не рассказывать. Вряд ли найдутся слова, чтобы описать то горе, которое он пережил с её уходом. Когда это случилось, ему было уже за семьдесят. До её смерти Петрович держался бодрячком. Жилостый, шустрый, ходил на лыжах, на зимнюю рыбалку. Любил из парилки нырнуть в прорубь.

Всё это как отрубил. Незачем стало жить. А главное не для кого. Жизнь снова стала чёрно-белым кино.

Перед отправкой в дом престарелых он попросил соцработников отвести его на кладбище к Катеньке. Те с пониманием отнеслись к его просьбе и не беспокоили почти час. Он посидел на скамеечке, перебирая в голове прожитую с Катей жизнь, потом подошел к кресту, погладил его, словно живого и, опираясь на тросточку, заковылял к машине.

...Порой он задыхался, сидя в этой двухместной «келье». Ему хотелось бежать куда-нибудь, чтобы ветер в грудь, чтобы ноги в кровь. Но нет сил.

И вот свет в оконце – Ольга Николаевна!

Как это было в первый раз? Она вошла, поздоровалась. Он сидел лицом к окну, не видел её, но вздрогнул, услышав знакомый голос. Она открыла окно и обернулась:

– Сегодня замечательный день, Пётр Петрович.

Петрович обомлел. «Катюша, Катенька!..»

– Давайте я Вас накрою пледом. Говорят, у Вас ручки-ножки мёрзнут. Сейчас я Вас укутаю, вот так. Сегодня солнышко светит исключительно для Вас. Я скоро приду. Не скучайте.

И она вышла из комнаты.

Петрович был взволнован и озадачен. Не может быть. Она! Нет, конечно, не она. Но как похожа!

С того дня у Петровича появился непонятный для него самого смысл жизни. Он ждал её. Он стал больше ходить в надежде встретить её в коридоре, на прогулке. Иногда позволял себе небольшие притворства. То вдруг рассеянным становился, то неуклюжим, а один раз вообще прикинулся умирающим. Лишь бы обратить на себя её внимание.

«Прям, как мальчишка! – размышлял про свои проделки Петрович. – Что я на самом деле? Я уже старый перец и чего мне стесняться? Вот придёт, и всё ей расскажу».

И он ей признался в любви. Не сразу, а ещё через год.

Однажды утром, когда она померила ему давление и собиралась уходить, он осторожно взял её за руку и сказал:

– Вы мне очень нравитесь.

Она странно посмотрела на него карими глазищами, поднесла его холодную руку к щеке и тихо сказала:

– Вы мне тоже.

Они с минуту смотрели друг на друга, а потом она, отстранив его руку от щеки, добавила:

– У меня сегодня дежурство. Вечером я приду к вам. Не одна. Мы будем пить чай и разговаривать.

Весь день Петрович был как на иголках. В нем проснулся командный тон. Он позвал нянечку и потребовал погладить его костюм с медалями, который он достал из своего потёртого чемодана. Потребовал отвести его в душ, сам помылся, как мог (эта процедура изрядно его измотала). С помощью нянечки он оделся и попросил побрить его и пошшикать одеколоном. К обеду он был гладко выбрит, надушен и очень утомлён. Едва вернувшись из столовой, он обессиленный упал на кровать и проспал до пяти вечера.

Затем снова взялся за приготовление к встрече. Надел наутюженные брюки и тяжеленный от звенящих медалей пиджак. Потом развернулся от зеркала к нянечке.

– Петрович, ты прям жених! – всплеснула руками женщина. – Генерал! На свидание, что ли собрался?

– Молчи, женщина! – важно сказал Петрович и повернулся к зеркалу.

– Батюшки, скажите, пожалуйста! – усмехнулась нянечка и ушла.

Петрович огляделся в зеркале и остался собой доволен. Потом подошёл к окну, сел в кресло и через некоторое время задремал.

Он очнулся будто от толчка. Сколько он дремал? Солнце уже село. В комнате сумрачно. Который час?

Петровича охватило волнение. Опираясь на трость, он с трудом встал с кресла. «Какие же они тяжёлые!» – подумал про награды Петрович, и они словно обрадовались, что про них вспомнили – зазвенели мелодично, легко. Так звенят только боевые награды. Именно звенят, а не бряцают. Петрович расправил грудь, выпрямился, насколько позволял заостенелый позвоночник и повернулся к двери. Он чувствовал, знал – она идёт. Она совсем близко. Он ждал.

И всё же вздрогнул, когда в дверь тихонько постучали. Медали засмеялись тихим музыкальным звоном.

У Петровича от волнения перехватило голосовые связки. Он что-то промычал, откашлялся и по-военному чётко произнёс:

– Да!

Открылась дверь и в комнате стало светлее, то ли от Ольги Николаевны, то ли от лучей света, выпавших из освещённого коридора.

– Пётр Петрович, мы пришли. А Вы что в темноте сидите?

Ольга Николаевна щёлкнула выключателем и ахнула! Награды блеснули в ответ, разбросав зайчики света по всей комнате.

Перед ошалевшей Ольгой Николаевной стоял помолодевший, прямой, как натянутая струна, Петрович. Серьёзный и торжественный.

– Пётр Петрович, это Вы?

Это был другой Петрович. Не старик Петрович, а Петрович-воин, Петрович-солдат! Само воплощение несгибаемого духа, мужества и доблести!

Они смотрели друг на друга несколько долгих секунд: она восхищённо и удивлённо, он серьёзно и спокойно. Потом улыбнулся и тут только заметил, что рядом с Ольгой Николаевной стояло маленькое трёхлетнее чудо с большим белым бантом, в красном в белый горошек сарафанчике и такими же, как у мамы, распахнутыми карими глазами.

Петрович за всю свою долгую жизнь имел небогатый опыт общения с детьми. Своих у них с Катей не было. К друзьям, у которых дети были, он ходить не любил, чтобы не видеть тоску в Катюшиных глазах. Постепенно с годами круг друзей весьма и весьма сузился.

Но сегодня Петрович вновь вернулся к жизни, стал частью чего-то доброго, тёплого, надёжного. Петрович был молод, счастлив и очень рад этому ребёнку. Он весь день помнил, как Ольга Николаевна сказала: «Приду не одна», и сейчас радовался, что не ошибся в своих предположениях.

Он, звеня и разбрызгивая свет наградами, подошёл к гостям, опираясь на трость, слегка наклонился к большому банту и сказал:

– Кто эта юная барышня? Представьте нас.

– Это... это моя любимая Пчёлка-Настя, – сказала Ольга Николаевна, подталкивая дочку к Петровичу.

– Пчелка? Жужжит?

– Я не зузу. Потому ста я люблю мёд и валенье, и конфеты и соколадки, только не голькие, и цупа цупс люблю и есё... есё валенье и есё мёд, – звонко отрапортовала юная барышня.

– В общем, сладкоежка.

– А зубы? Вот останешься без зубов как я, – и Петрович легко и просто вынул вставную челюсть, повертел её в руке и сунул обратно в рот, – и не сможешь есть конфеты и шоколадки.

Пчёлка-Настя поступком Петровича была сражена наповал! Она замерла с открытым ртом, глядя на улыбку Петровича, а в большущих глазах её отразились испуг, недоверие, удивление, восторг и чрезвычайное любопытство. Такого фокуса она ещё не видела!

– А меня зовут дед Петрович. Меня здесь все так зовут.

– Не дед, а дедушка Петрович, – поправила Ольга Николаевна. – Ну-ка, Настёна, что мы дедушке принесли?

Пчёлка-Настя опомнилась и стала доставать из принесённых пакетов фрукты и завернутые в полотенца блюда и чашки.

– Поухаживай за дедушкой, а я принесу чайник.

Петрович сел на койку и с тихой радостью стал помогать девочке ставить на небольшой столик посуду.

Пришла Ольга Николаевна. Словно волшебница, одним взмахом руки расставила на столе всё как надо, разрежала принесённый торт и положила каждому по кусочку. Затем зажгла зелёную витую свечку и выключила свет.

– Хоть и нельзя свечи по технике безопасности, – сказала она, присаживаясь – но сегодня особенный вечер. Мне очень приятно то, о чём вы мне утром сказали. А сейчас вы меня просто покорили. Вы... такой!..

Петрович смутился, словно школьник.

– Я старался...

Он улыбнулся, потом посмотрев девушке в глаза, тихо заговорил:

– То, что я вам утром сказал – это правда. Вы мне нравитесь. Очень. Как человек, как женщина... Я боюсь вас обидеть, но хочу быть честным до конца, – Петрович помолчал, зачем-то взял чайную ложку, посмотрел на неё и положил на место. – Вы сильно похожи на мою жену. Поэтому я с первой встречи присматривался к вам. Сравнивал. Был грех, не обижайтесь. И чем больше присматривался к Вам, тем больше убеждался, что вы – не она. Вы другая, особенная. И это хорошо. Вас здесь все любят. И я... Ухажёр я, конечно, никудышный... пень трухлявый... Я просто хочу, чтоб вы знали о моём к Вам отношении. Ну, а мне от вас мало надо – видеть вас, разговаривать с вами. Тут я не оригинал. Это многим надо в нашем стариков-

ском притоне... Вот вы какая! Гляжу на вас и радуюсь, поверьте мне большего не надо. Я с ужасом думаю, вдруг вы уволитесь. Вот тогда уж точно – всё! Вот такая моя меркантильная любовь. Хороший вы человек, Ольга Николаевна. А то, что вы сегодня пришли, да ещё с Пчёлкой... Вы не представляете, что у меня вот здесь творится, – он прикоснулся к груди, и медали тихо дзынькнули – Спасибо вам, что вы есть.

Молодая женщина посмотрела на смутившегося Петровича, грустно улыбнулась и сказала:

– Это вам, Пётр Петрович, спасибо за добрые слова. Никто мне такого ещё не говорил.

Потом улыбнулась веселее:

– И будьте покойны – никуда я от вас не уволюсь.

Петрович тоже повеселел.

– Пчёлка, а почему ты тортик не ешь? – обратился он к девочке.

– Не буду.

– А-а!.. Ты боишься, что у тебя зубы выпадут? Так они у тебя и так выпадут, а потом новые вырастут. Это у меня не вырастут, потому что я старенький, а у тебя вырастут.

– Всё лавно не буду.

– Тогда иди ко мне. Я тебе подарок сделаю. Я тебе медальку подарю.

– Медальку? – переспросила новое слово Пчёлка, слезла со стула, подошла к Петровичу и позволила посадить себя к нему на колени.

– Нравятся медальки? Выбирай любую!

– Да вы что, Петр Петрович? – запротестовала Ольга Николаевна.

– А куда мне их? Солить или с собой в могилу? Ну-ка, выбирай, Пчела!

Настя стала перебирать пальчиками блестящие кругляшки, стучать их друг о дружку и прислушиваться, как они звенят.

Ольга Николаевна отпила из чашки:

– Петр Петрович, расскажите о себе.

Петрович словно ждал этого. Тоже отпил из чашки, поставил её на блюдце и стал рассказывать.

И снова он удивился себе. Говорил складно, легко, свободно, без прикрас и вранья, как когда-то при первых встречах с молоденькой Катенькой. Забытые события вспомнились во всех деталях. Он словно читал книгу. А Ольга Николаевна слушала. Её воображение рисовало детство Петровича, его юность, начало трудового пути и самостоятельной жизни, потом войну, которой он уделил особое внимание, встречу с Катей, послевоенную жизнь... Она слушала и удивлялась, сколько может вместить человеческая жизнь.

Петрович говорил, смачивая пересохший рот остывшим чаем, пока утомлённая Настя не стала тереть кулачками свои помутневшие глазки и проситься домой.

Её положили на соседнюю кровать, и она тут же уснула. Петрович снял с себя давивший на плечи пиджак и накрыл им девочку.

– Оставить сегодня не с кем, – виновато сказала Ольга Николаевна, – я её в свой кабинет определю...

– Нет-нет, пусть здесь спит. Пусть со мной побудет.

Коснувшись её ручки, добавил:

– Хорошая у вас девочка.

– Капризулька. Но сегодня на удивление спокойно себя вела. Это, наверное, вы на неё так подействовали.

Возвращаясь к чаю, Ольга Николаевна спросила:

– Страшно было? Там, на войне?

Петрович пожал плечами, подцепил ложечкой кусочек торта и отправил его в рот:

– Конечно, страшно. Так ведь всем страшно. А когда всем страшно, то вроде ничего, не так уж страшно. Молоды были. А, как известно, молодость смерти не боится. Во всяком случае, её не уважает.

– А что в вашей жизни самым важным было?

Петрович задумался.

– А всё важно. Детство, юность, мечты, живые родители – разве не важно? Важно. Честно воевать, честно любить, честно работать – разве не важно? Важно. Вас встретил, а теперь ещё и Пчёлку. Вы даже не представляете, как для меня это важно. Так что, Ольга Николаевна, нет в моей жизни пустяков. Всё для меня важно.

Он отпил из чашки и вдруг будто что-то вспомнил:

– А хотите, я вам покажу, какой я был? Только вы уж помогите старику-любовничку достать из-под койки чемодан.

Щёлкнув замками, Петрович открыл чемодан и вынул оттуда большой старый фотоальбом.

– Вот. Заодно с Катюшей вас познакомлю, – сказал Петрович, положив альбом на столик.

Ольга Николаевна поставила между чашек настольную лампу, а остатки свечи погасила.

Петрович подсел к ней поближе. Коснувшись её плеча своим, он смутился, попросил прощения и, открыв альбом, снова заговорил. Это он маленький, это с родителями (фотографии старые, потресканные). А это она! Катя, Катенька, Катюша.

– Петр Петрович, но мы не похожи с ней, – вглядываясь в пожелтевший снимок, сказала Ольга Николаевна. – Она вон какая красавица, а я...

– Ну-ну, не скромничайте. А глаза, а коса! А голос! Не спорьте, мне виднее.

Петрович потрогал кончиками пальцев фотографию Кати, словно прикоснулся к лицу, вздохнул и перевернул альбомный лист.

– А это вот я. И друзья мои боевые. За два дня до боя. Через два дня... всех...

У Петровича вдруг заходили руки ходуном и задрожал подбородок. Он отвернулся. Потом взял себя в руки, откашлялся и срывающимся голосом сказал:

– Часто вспоминаю ребят... Как бы я хотел вернуться туда, к ним. Если б вы знали, какие это были люди...

Пытаясь успокоить его, Ольга Николаевна положила ему руку на плечо и, разглядывая фото, сказала:

– А вас можно узнать. У Вас улыбка очень хорошая.

Петрович вынул из брючного кармана носовой платок, вытер глаза, высморкался, тяжело вздохнул и развернулся к фотоальбому.

– Ольга Николаевна, у меня к вам просьба. Фотографии уж больно поизносились. Можно их как-то реанимировать? Не все. А вот эти три.

Ольга Николаевна, глядя на фотографии, улыбнулась:

– Вот вы и выбрали самое важное: родителей, любовь и друзей.

– Всё важное, Ольга Николаевна. А это ГЛАВНОЕ. Всё остальное происходит из этого ГЛАВНОГО.

Вскоре после этого вечера появились у Петровича на столике те самые фотографии, где на одной из них он на коленях у родителей, на другой молоденькая девушка Катенька с большими выразительными глазами и третья – с боевым братством.

Прошёл ещё год.

В стране бушевали политические страсти, шла война на Кавказе, братки разрывали страну и попутно истребляли друг друга. Но Петровича это уже не волновало. У него начались серьёзные проблемы со здоровьем. Петрович стал сдавать. Как известно, старость не лечится.

Ноги не слушались, болели. Он стал реже выходить из своей комнаты. Сильно уставал.

Радостью оставались присутствие Ольги Николаевны и посещения Пчёлки-Настя. Настя считала Петровича своим дедушкой. Любила сидеть в кресле возле него и «читать» вслух книжки, вернее комментировать в книжках картинку. Петрович с тихой радостью слушал её щебетание и засыпал с детской улыбкой на губах.

Но однажды произошло нечто удивительное и необъяснимое. Случилось нечто такое, что не смогли объяснить ни руководство пансионата, ни его обитатели, ни правоохранительные органы, ни Ольга Николаевна.

Это случилось жарким летом средь бела дня.

С утра, как заметила Ольга Николаевна, Петрович был напряжён и молчалив. Его охватило давно забытое ощущение тревоги. Она видела это и не на шутку забеспокоилась. На вопросы о самочувствии он коротко отвечал: «Нормально», но был бледнее обычного. Ольга Николаевна помогла Петровичу сесть в кресло, что напротив окна, укутала его лёгким одеялом и открыла окно. Запахи лекарств и старости уступили место запахам хвойного леса и свежескошенной травы.

– День-то какой! – нарочито восторженно сказала Ольга Николаевна, взяла со стола военную фотографию, ту самую, где все замерли с серьёзными, кроме Петровича, лицами в ожидании птички, посмотрела на неё и почему-то поставила на подоконник перед Петровичем. – Пятнадцатое июля, середина лета!

Петрович после её слов напрягся ещё сильнее. Ольга Николаевна обернулась к нему и увидела, что со стариком творится что-то неладное.

– Петрович, миленький, погоди, я сейчас за лекарством сбегаю.

Но Петрович её уже не слышал. Предметы стали четкими, яркими. Мысли заработали с удивительной быстротой.

«Почему она поставила эту фотографию на подоконник? Почему она назвала это число? Пятнадцатое... Середина лета... Я знаю!.. Я помню!.. Это ведь... да это тот день! Ребята, завтра в бой! Ребята!...».

Потом окно словно заволочло туманом, предметы за окном потеряли контрастность. Петрович судорожно протёр глаза. Туман стал рассеиваться, но вместо зелёного парка Петрович увидел сухое, выжженное поле с колонной солдат, идущих по пыльной дороге. Беззвучное кино. Петрович от волнения стал задыхаться.

– Ребята... ребята... – шептал он, протянув руку к окну.

Тяжело дыша, проклиная свои больные ноги, Петрович пытался встать. Его ба-

тальян шёл рядом, за окном. Он видел измождённые жарой и переходом лица солдат, их мокрые от пота гимнастёрки, серые от пыли сапоги...

– Ребята, я здесь... – плача от отчаяния, шептал Петрович. – Я сейчас... ребята...

Петрович собрал все силы дряхлого тела, опираясь на свою трость, привстал. Боль в пояснице не дала ему разогнуться. Он сделал шаг к подоконнику. Ноги дрожали от напряжения. Ещё шаг. Он ухватился за подоконник.

– Ребята, я здесь!.. – хрипел Петрович.

Он увидел своего ротного, девятнадцатилетнего мальчишку, не по годам строгого и уверенного в себе. Он шёл в стороне от колонны. А рядом шла его рота, взвод, старшина Остапенко, «усатый дед», как его все называли... и ребята... живые, родные, усталые...

А его, Петровича, никто не видел. Все шли мимо.

Петрович сделал ещё шаг. Резко выпрямился (от боли потемнело в глазах) и во всё горло заорал:

– Ребята, я здесь!

Боль в пояснице и ногах вдруг переместилась на спину, остро зажгла содранной мозолью. Холодеющее тело налилось жаром. Петрович рукавом вытер лицо от пота, поправил каску на голове, посмотрел на запылённые сапоги, почему-то топнул правой ногой, словно испытал её на прочность, перекинул автомат на другое плечо и побежал к своему взводу.

Его обогнал «виллис» с сидящими в нем командиром полка, комбатом и неизвестным высоким капитаном. Тут же по колонне разнеслось: «Батальон, стой!», и колонна солдат остановилась. «Виллис» резко затормозил напротив роты Петровича.

Пока Петрович добежал до своих, комполка уже что-то говорил комбату, ротному и стоящим перед ним бойцам. Петрович подбежал, вытянулся перед командирами и бодро прокричал:

– Товарищ комполка, разрешите обратиться к товарищу лейтенанту!

– Это ещё кто такой? Ваш, лейтенант?

– Так точно. Рядовой Петров, прибыл из санчасти.

– Ранен? – обратился к Петровичу комполка.

– Никак нет! Мозоль натёр! – ответил Петрович.

– Ну, мозоль не страшно. Стать в строй.

И тут же обратился к высокому капитану:

– Вот, капитан, наши герои. Давайте-ка побыстрее, пока батальон отдыхает, сфотографируйте и едем дальше. У нас ещё четыре роты отличились в прошлый раз. Потом к соседям заскочим.

Комполка и комбат пошли к машине, а капитан принялся рассаживать бойцов для фото.

Целясь объективом в солдат, военкор суетился, щёлкал аппаратом и без конца приговаривал: «Сейчас вылетит птичка, сейчас вылетит птичка...». В первом ряду сидел Петрович и широко улыбался. У него было ощущение, будто он куда-то очень торопился и успел в самый последний момент. От этого было радостно на душе. А может, от того, что недавно виделся с Катей?

А Ольге Николаевне было совсем не до улыбок. Когда она через три минуты с лекарствами и шприцем в сопровождении главврача и нянечки вбежала в комнату Петровича, то увидела лишь лежащее на полу одеяло и трость у подоконника.

– А где?.. – спросила главврач.

Ольга Николаевна кинулась к окну, но за окном никого не было. Нянечка заглянула в шкаф и даже под кровать.

– Да что смеяться, – не скрывая удивления, сказала главврач, – где тут можно спрятаться?

Старушки в коридоре сказали, что из комнаты Петровича никто не выходил, кроме Ольги Николаевны.

– Бред какой-то! – раздражаясь, развела руками главврач.

Потом были поиски Петровича по всем этажам и парку. Куда мог деться дряхлый больной старик, вечно сидящий в кресле, либо лежащий в постели?

О случившемся сообщили в милицию. Дело о пропаже старого человека из дома престарелых в те бандитские времена посчитали не «особо важным» и отдали молодому следователю-стажёру. Тот осмотрел место происшествия, побеседовал с обитателями дома. Выяснил у старушек, что Петровича и Ольгу Николаевну связывали «странные» отношения. В тот же вечер он побывал на квартире у Ольги Николаевны, где за чашкой чая, смущаясь, задавал «не очень удобные» вопросы. Ольга Николаевна с грустной улыбкой отвечала на вопросы, думая о том, что старушки похожи на капризных ревнивых детей.

Через два дня Ольга Николаевна, сидя ночью в своём кабинете на диванчике возле спящей Пчёлки-Насты, держала в руке рамочку с фотографией. Смотрела на улыбающегося Петровича и думала: «Где же ты, Петрович?..»

А в то же время, только много лет назад, медсестра Катя, бледная и измученная, сидела возле раненого Петровича, который метался в горячем бреде, умоляя: «Катюша, не бросай меня... пить... больше никогда... никогда!..».